

В МОСКОВСКОМ СОВЕТЕ И РАЙОНАХ

Напряженные дни переживала Москва.

В десятых числах октября московскими партийными организациями (Областным бюро, Московским и окружным комитетами партии) была получена директива Центрального Комитета партии о «курсе на восстание».

Ряд товарищей, работавших в области, — Стуков, Кизельштейн, Нацаренус и др. поехали по городам Московской области для предварительной информации и подготовки местных парткомов к одновременному выступлению вместе с Москвой. Работники «окружки» (так сокращенно по традиции со времен подполья называлась московская губернская организация) объехали уездные организации Московской губернии.

В самой Москве был произведен ряд совещаний активных работников, и к середине октября отдельные меньшевики доверительно допытывали нас, большевиков:

— Да скажите же наконец нам, когда назначено выступление.

Нужно было начинать действовать, и, когда утром 25 октября (ст. ст.) пришли первые сведения о начавшемся восстании в Петрограде, к вечеру было созвано соединенное заседание Совета рабочих и Совета солдатских депутатов для избрания Военно-революционного комитета.

Одновременно по партийной линии, в целях объединения работы большевистских партийных организаций, был создан партийный центр. В него вошли: от Московского комитета — М. Владимирский и Осип Пятницкий, кандидатом — В. Подбельский, от окружного (губернского) комитета — В. Соловьев, от Московского областного бюро партии — И. Стуков и В. Яковлева, кандидатом — И. Кизельштейн.

Начались страдные дни. Москва стала готовиться к бою.

Мне трудно хронологически и в деталях восстановить героические дни великой борьбы. Я не помню или словно сквозь туман припоминаю, что происходило днем и что ночью. Выступают отдельные эпизоды, отдельные переживания.

Вечер первого дня ¹. Здание Московского Совета. Маленькая витая железная лестница, ведущая на третий этаж. В первой комнате — партийная пятерка, рядом заседает Военно-революционный комитет. С утра решаем объявить всеобщую забастовку. Военно-революционный комитет сейчас же подтверждает это решение, отдается распоряжение о выпуске воззвания, начинают передавать телефонограммы по районам, но и только... А дальше?

Выплывает вопрос о газетах. Ясно, что наутро могут выйти только советские газеты, только «Известия» и «Социал-демократ». Подвертывается Голенко.

— Товарищ Голенко, по постановлению партийного центра и Военно-революционного комитета вы должны не допустить выхода завтра буржуазных и соглашательских газет.

— Но, товарищи...

— Это постановлено.

— Хорошо.

Утром вышли только «Известия» и «Социал-демократ».

В здании Совета, где находится партийный центр и Военно-революционный комитет, шум и беготня. Носят оружие и патроны. Идет запись в Красную гвардию. В стороне допрашивают перебежчиков. Слышны отдельные выстрелы. Телефоны еще не выключены. Звонок. Подхожу к телефону.

— Совет? Кого-нибудь из Военно-революционного комитета. Срочно, скорее!!

— Откуда говорят? В чем дело?

Звонят из Кремля, один из солдат Кремлевского 56-го полка. Рудневцы говорят, что большевики все сдались, предлагают сложить оружие. Взволнованный голос спрашивает, как быть и что делать. Я начинаю спокойно объяснять, что борьба только начинается, что впереди возможна только победа, что большевики не сдаются. Предлагаю не верить провокации и успокоить товарищей... Мы готовим помощь и скоро придем на выручку.

Ночью раздались первые выстрелы на Красной площади ². Прибежало несколько «двинцев». «Мы прорвались через засаду юнкеров, они занимают Кремль. Скорее, нужна помощь». Направляем их в наш штаб. Там Ярославский, Аросев. Высылаются дозоры, за организацию разведки берется Максимов. Шум, беготня; раздаются оружие и патроны. Сразу помощи двинуть не удалось, и юнкера заняли Кремль, отрезав наш 56-й полк.

¹ 27 октября. *Ред.*

² Вечером 27 октября на Красной площади юнкера пытались разоружить отряд солдат «двинцев», направлявшийся из Замоскворечья на охрану Московского Совета. В бою погибли командир отряда Е. Н. Сапунов и несколько солдат. *Ред.*

Все горячее становится вокруг Военно-революционного комитета. Большевики уже ушли из его состава. Начинают приносить раненых. Наспех организуется лазарет. Военно-революционный комитет выносит постановление об удалении из здания Совета всех не принимающих непосредственного участия в работе. Начинаю обходить комнаты, чтобы проверить, не осталось ли кого-нибудь, кто мог бы быть более полезен в районе или в более спокойной обстановке. В одной из дальних комнат застаю М. Покровского и И. Скворцова (Степанова). Оба они работают в нашей газете «Социал-демократ», выходящей несмотря на события.

— Вы почему здесь? Вам здесь не место,— дружески улыбаясь, обращаюсь к ним.

А Михаил Николаевич и Иван Иванович смотрят виновато.

— Не гоните... Хочется быть вместе со всеми!

— Нельзя. В Замоскворечье! Там помещение для редакции, там спокойнее, там должны вы быть!..

Оба наших заслуженных товарища пытаются оправдаться и доказать, что они должны остаться в здании Совета.

— Постановление Военно-революционного комитета должно быть выполнено!

Медленно и неохотно уходят.

Военно-революционному комитету начинает угрожать непосредственная опасность. Юнкера вновь наступают по Брюсовскому и Чернышевскому переулкам. Слаба и опасна связь с окраинами города, с рабочими районами. Слишком много ответственных товарищей в центре. Партийный центр постановляет, что часть активных защитников Совета и членов Военно-революционного комитета надо перебросить в районы, а в центре, в самом комитете, оставить минимальное число. Чтобы решить, кого и где, устраивается совместное летучее заседание. Несмотря на очевидную опасность, никто добровольно не хочет уходить. Аросев, Мельничанский, Рыкунов, Ногин и члены комитета и партийного центра (пятерки) и не члены соперничают друг с другом в почетном праве остаться на опасном посту.

Партийная пятерка удаляется на совещание и выносит готовое решение, кому оставаться в Совете и кому и куда идти в районы.

Итак, белогвардейцы занимают «Метрополь», здание городской думы, Кремль, Никитскую и Арбат. Все районы — наши; от пробивающихся к нам товарищей мы знаем, что там кипит работа и организуются красногвардейские части, но здесь, в центре, в Московском Совете, мы чувствуем, что нас могут окружить. Мы уже почти отрезаны от Замоскворечья и Лефортова, нас отрезают от Бутырок. Низ Тверской занят юнкерами, выше, поперек Тверской, работает неприятельский пулемет, поставленный в переулке на церковной колокольне. Единственная связь с внешним миром — по переулку на Б. Дмитровку и Петровку.

По постановлению штаба В. М. Смирнов отправляется на Ходынку за артиллерией и пропадает. Проходит ночь, а его все нет. Разносится слух, что артиллерия уже у «Яра», но идут часы, слух не подтверждается. Отовсюду доносится частая, беспорядочная стрельба, совсем рядом с Советом. Подсчитываем наличные силы; выясняется, что в здании около 200 вооруженных людей. Немного.

К этому времени мы перешли во второй этаж. Окна комнаты, в которой заседают Военно-революционный комитет и партийная пятерка, выходят во двор, рядом за тонкой стеной — штаб, окна его комнаты выходят на Чернышевский переулок. В углу нашей комнаты мягкий большой диван. Во дворе суетня и крики. Мы сидим на диване и тихо перекидываемся отдельными словами.

Вдруг из штаба кто-то вбегает:

— Сейчас нас начнут обстреливать из пулемета. Надо перейти в другую комнату.

— В чем дело? Говорите толком! Откуда, кто?..

Но толку не добиться.

— Куда ^а этот дьявол Смирнов подевался со своей артиллерией?

На всякий случай переходим в соседнюю комнату. Приносят миску с супом. Ага, значит время обедать. Кто из тарелок, кто прямо из общего котла.

А положение все остается неопределенным. Несколько часов нет вестей из районов, где-то пропала наша артиллерия, сейчас начнет обстреливать какой-то полумифический пулемет. Нам ясно одно, что сейчас заседать не о чем и не для чего, что на счету каждый человек, что наше место *теперь* на Тверской и на Чернышевском, вместе с рабочими и солдатами. Как-то само собой складывается это убеждение у всех. С нами бессменно ведут протоколы секретарши Совета Темкина, Бричкина, Ломтатидзе. Вдруг они куда-то уходят. Через полчаса каждому из нас они надевают на руку красную повязку с надписью: «Член Военно-революционного комитета».

Пусть знают юнкера и вся эта сволочь, куда им направлять штыки, если им удастся ворваться в Совет, пусть радуются... пока-что. Совет они могут взять, но пусть они попробуют взять Сокольники или Благушу.

Торжественная минута. И тут произошло то, что бывает или в сказке, или... в революции.

Быстрыми шагами вошел В. М. Смирнов:

— Наша артиллерия на Скобелевской площади.

Сразу почувствовалось, что начинается перелом. Одно орудие направлено вниз по Тверской, другое вверх, третье по Козьмодемьянскому переулку.

— Теперь голыми руками они Совета не возьмут. Теперь мы продержимся день-другой, пока не подтянутся районы.

Первый орудийный выстрел. Задрожали и полопались стекла. Меткий удар в гостиницу «Националь».

С совещания у «нейтрального» Викжеля вернулся Смидович и, волнуясь, начинает рассказывать о своих впечатлениях. Взгляд его падает на лежащие на столе револьверы. Он обрывает свой рассказ:

— Ведь я-то и стрелять по-настоящему не умею, а без этого нельзя.

Смидович берет в руки револьвер и начинает его вертеть и рассматривать. Раздается выстрел, по случайности никого не задевший.

— А еще голова седая,— укоризненно бросает кто-то сзади.

Проходная комната. Взад и вперед снуют люди. У дверей штаба толпится несколько солдат. В стороне стучат машинистки. За столом сидит Серебряков, курит папиросу и разбирает бумаги. Не то он только что вернулся из Питера, не то собирается туда.

Резкий взрыв. Где-то совсем рядом. Никто ничего не понимает. Паника. Падают на пол. Лезут под стол. Дюжий парень оказывается в ногах у Серебрякова.

— Ты куда, что с тобой?

— Я... я...

Бросаются к выходу. Серебряков с улыбкой смотрит на опустевшую комнату.

— Товарищи, спокойствие, это у нашего гранатчика взорвалась граната.

Тяжелая борьба шла в телефонной станции и у почтамта.

Юнкера крепко засели в Милютинском переулке. Наступлением на них руководит Усневич. В это время пришло известие, что почтамт уже занят нами.

Надо посылать своего человека, чтобы наладить работу на телеграфе и связаться с Питером и провинцией.

— Вадим Николаевич, вам придется идти.

— Иду,— отвечает Подбельский.

Телеграф был за нами закреплен.

Идут тревожные дни, на смену приходят бессонные ночи. Все увереннее и тверже становится в районах, крепнет настроение центра. Радостные вести приходят отовсюду. Захвачен дом градоначальства с пленными. Заняты Никитские ворота. Подбит неприятельский пулемет. Утром отброшены к вокзалу ударники, пытавшиеся пробиться в центр.

В комнату Военно-революционного комитета вбегает красногвардеец с винтовкой:

— Товарищи, какой-то митрополит или шут его знает кто, в белом облачении, просится войти в Совет.

— Пропустите.

Оказался делегат заседающего в то время в Москве церковного собора, митрополит Платон. Чтобы не принимать его в комнате комитета и не нарушать работы, стали решать, кому поручить переговоры с ним. Как я ни отнекивался и ни упирался, остановились на мне. Стоящий у двери Игнатов в буквальном смысле вытолкнул меня из комнаты:

— Идите, и никаких.

Делать было нечего. Шумная соседняя комната. Приносят оружие. Стучит машинка. С винтовками за плечами проходят в штаб, находившийся рядом с комитетом, группы красногвардейцев и солдат. В полном облачении, в митре, с крестом в руках стоит Платон. Подхожу:

— Здравствуйте. Военно-революционный комитет поручил мне переговорить с вами. Что угодно?

Указываю на соседний стул и сажусь сам рядом. Платон хватается за руки и падает на колени. Бессвязно и волнуясь начинает говорить:

— Прекратите кровопролитие... Не надо смертей... В городе ужас... Когда все это кончится?..

Успокаиваю. Предлагаю сесть на стул. Начинаю объяснять, что в кровопролитии виноват Комитет общественной безопасности, который не желает признавать и подчиняться власти Советов, единственной народной власти.

— Идите к ним и с ними разговаривайте. Как только юнкера сложат оружие, мы прекратим обстрел.

Митрополит поддакивает:

— Так это верно? Вы не жаждете крови? Согласны прекратить борьбу?..

Не могу не улыбнуться. Снова повторяю, что, как только белогвардейцы сдадутся, мы приступим к мирной работе.

— Хорошо, хорошо, я все передам собору.

Разговор окончен. Я вызвал краснокрестскую карету и поручил отвезти митрополита в подворье, где тот жил.

Я получаю поручение побывать в Замоскворечье, чтобы установить связь с районом и с редакциями «Известий» и «Социал-демократа», которые перебрались туда. Выхожу ночью, вместе с П. Н. Мостовенко. Несколько раз останавливают наши часовые. Выходим на Б. Дмитровку, обходим Страстной монастырь, на Тверскую, по Садовой налево. Безлунно, темно. Вдали ухают орудия. В небе зарево пожара: горит зажженный нашими снарядами дом у Никитских ворот. На Садовой спокойно. У Кудрина снова раздаются выстрелы. Спрашиваем патрульного:

— Товарищ, какого полка?

— 193-го.

— Ну, как у вас здесь?

— Да вот из дома напротив пошаливают. Утром надо будет дознаться.

Снова выстрел, потом другой. Слышен удар пули. Мы отходим за угол и идем дальше. Мостовенко тащит к себе:

— Зайдем перекусим, что есть, часик отдохнем...

Утром иду дальше. Зубовский бульвар. Пустынно. Вдруг откуда-то раздаются выстрелы. Треск разбитых стекол. Крымский вал. Калужская площадь. Рабочий район. Всюду оживление и движение. Мчится автомобиль с хлебом. Группами идут вооруженные рабочие. Сразу становится спокойно, хорошо и уверенно.

В районном Совете народу тьма-тьмушая. Суетится и отдает приказания Фрадкин (Волин). Редакции поместились в столовой Коммерческого института на М. Серпуховке. В полутемной комнате за двумя столами сидят И. И. Степанов, М. С. Ольминский.

Тем временем подходят В. Н. Яковлева, Кизельштейн, Владимирский. Устраиваем летучее заседание и обмениваемся мнениями о положении в разных районах. Общие сведения самые благоприятные. Владимирский остается дежурить на ночь в институте, Кизельштейн идет в районный Совет, я возвращаюсь в Военно-революционный комитет. Условливаемся утром сойтись в Центральном Совете.

Сажусь на автомобиль вместе с Подбельским и Бричкиной. Советуют ехать через Краснохолмский мост. Подъезжаем к Таганке. Наши часовые предупреждают, что на площади работает чужой пулемет, и предлагают ехать переулками. Шофер разгоняет машину, и мы в темноте проносимся прямо через площадь. Благополучно. Пулемет трещит в стороне. Нас окликает наша застава. Проверка документов, надо показать пропуска. Но тормоз у автомобиля оказался испорченным, и мы мчимся вниз, к Землянке. По нас открывают стрельбу наши же солдаты. Жуткая минута. И, главное, ничего нельзя сделать. Машина все же с трудом и скрипя останавливается. Подбегает патруль.

— Ваши пропуска?

Суем ворох бумаг. Шофер включает огонь. Бумаги в порядке.

— Что вы, дьяволы, едете, как с цепи сорвавшись? Или вам жизнь надоела?

И еще, и еще.

Оправдываемся, тормоз, мол, ничего не поделать, нельзя. Шофер отказался ехать дальше.

— Видите, машина испорчена.

Пошли пешком. Не успели мы пройти десятка два шагов, нас снова догоняет автомобиль.

Видно у шофера отошло от сердца.

— Садитесь, довезу как-нибудь.

До Красных Ворот добрались уже благополучно. Там мы отпустили машину назад и решили дальше пробираться пешком.

На Сухаревке зашли в городской районный Совет. Несмотря на ночной час, жизнь бьет ключом. Вверх и вниз торопливо бегают люди. Рассказывают о стычке на Лубянке и о том, что Никольская

улица уже в наших руках. Очевидно становится, что дни наших врагов сочтены. Скорее в Центральный Совет со свежими, хорошими новостями.

Вечер 2 ноября. В районах продолжается борьба, там еще не знают о решении центра. Распределяем между собой, кому в какой район ехать, чтобы там объявить об окончании вооруженной борьбы и о капитуляции контрреволюционеров. Мне достается ехать в Городской район. Со мной командируется «нейтральный» Эдмин.

В районе нас встречает старая большевичка Ольга Афанасьевна Варенцова. Созываем районный Военно-революционный комитет и всех активных работников. Читаю договор и приказ Военно-революционного комитета:

«Революционные войска победили... Враг сдался... Все на охрану завоеваний новой рабочей, солдатской и крестьянской революции... Войска Советов остаются на своих местах... Войскам не расходиться до особого приказа Военно-революционного комитета».

Тихо, без энтузиазма был встречен этот приказ. Пролетарским чутьем чувствовали массы, что борьба не кончена, враг еще не сдался, что впереди новая борьба. Но приказ был выполнен.

— Да здравствует Советская власть!

Великая Октябрьская социалистическая революция. Сборник воспоминаний участников революции в Петрограде и Москве. М., 1957, с. 394—402